

Источник: Куренной В.А. Социология знания // Современная западная философия. Энциклопедический словарь. Под ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова при участии Т.А. Дмитриева. М.: Культурная революция, 2009. С. 74-77.

Социология знания — ряд социально-научных направлений и подходов исследующих взаимоотношения между знанием (преимущественно научным) и социальными условиями его возникновения и функционирования. В отличие от традиционной эпистемологии, СЗ исходит из того, что познающий субъект включен в социальный контекст, влияющий на процесс познания и содержание знания. Существование, трансляция и распространение систем знания осуществляются в социальной среде и не могут быть исчерпывающе объяснены интеллектуальными способностями и эмпирическим опытом индивидов.

В качестве термина для обозначения особого исследовательского подхода СЗ впервые используется австрийским философом В. Ерузалемом в 1909 г., однако СЗ имеет длительную предысторию. Базовые трактовки связи знания и общества исторически можно разделить на три типа: нормативно-критическую, историцистскую и сциентистскую. *Нормативно-критический* тип выделяется следующими особенностями: 1) влияние социальных условий на область знания признается, но оценивается негативно-критически; 2) обратное воздействие знания на сферу социальных отношений, напротив, рассматривается как норма, требующая практического воплощения. Форму парадигмального образца этот тип СЗ приобретает у Платона: его миф о пещере выразительно критикует перспективизм человеческого познания, противопоставляя ему образ идеального знания, черпаемого непосредственно из мира эйдосов. В свою очередь, философ, обладающий доступом к сфере «чистого» знания, выступает у Платона как правитель, способный устроить общество на основании совершенных законов. Противопоставление «чистого» (рационального, строго-научного и т.д.) знания и знания, «загрязненного» социальными, психологическими, культурными и др. факторами, является действенным до настоящего времени, определяя критическое отношение значительной части научного сообщества к исследованиям науки средствами СЗ.

С началом Нового времени и вплоть до конца XVIII в. вскрытие социальных факторов, воздействующих на знание, выступает в качестве инструмента продуктивной критики, стимулирующей отбрасывание прежних систем знания и замещение их новыми. Социальная среда, в свою очередь, рассматривается как сфера, которая в конечном итоге должна подвергнуться переустройству на основе знания, полученного научно-рациональным образом. Последовательными представителями этой критической линии являются основоположники философии Нового времени Ф. Бэкон и Р. Декарт, решавшие задачу замены традиционных форм знания новым типом научного познания, основанного на методологически выверенных подходах к изучению природы. Своего расцвета нормативно-критическая трактовка связи знания и социального контекста достигает у философов Просвещения: традиционные формы знания, формы социальной жизни, политическое устройство и т.д. должны быть заменены строго рациональными, научно-выверенными отношениями, построенным на началах абсолютных, неисторических норм разума.

Историцистский тип вносит в трактовку отношений между знанием и социальным контекстом момент исторической относительности. Между состоянием общества и состоянием знания устанавливается историческая корреляция; критический и

нормативный момент, напротив, уходят на задний план, хотя полностью исчезают лишь у наиболее последовательных сторонников исторического релятивизма (в частности, у О. Шпенглера). К числу предшественников этого направления относится Д. Вико, тогда как свою классическую формулировку он получает в философии Гегеля (в первую очередь в его «Феноменологии духа», увязывающей стадии развития «духа» с конкретными социально-историческими контекстами), в работах О. Конта (закон «трех стадий» которого трактует историю человеческого общества как развитие форм знания), в философии и, в особенности, в критике идеологии К. Маркса и Ф. Энгельса, а также в работах представителей немецкой исторической школы и ее восприемников.

Широкое применение марксизма в СЗ обусловлено тем, что он рассматривается мышление и бытие не как изолированные области, но как единую взаимосвязанную действительность. Работы Маркса и Энгельса дают основание для двоякой трактовки этой взаимосвязи: односторонне детерминистской («бытие определяет сознание») и диалектической (сложное взаимообусловленное взаимодействие). Понятие идеологии трактуется в марксизме как комплекс представлений, которые классы (в первую очередь, господствующие) стремятся навязать в качестве общезначимого для всего общества, тогда как в действительности они отвечают интересам только одного класса. Идеология не является продуктом реализации осознанных намерений, но обусловлена структурой социально-экономических отношений. Как господствующие, так и подчиненные классы обладают идеологией, когда же идеология одного класса успешно навязывается тем, кто принадлежит к другому классу, возникает феномен «ложного сознания». Заданная марксистской критикой идеологии линия «подозрения» к различным формам рациональности, включая научное знание, была продолжена в работах Ф. Ницше и З. Фрейда, различным образом вскрывающих иррациональный генезис социальных и индивидуальных когнитивных продуктов.

По сравнению с марксизмом и ницшеанством значение немецкой исторической школы, конституировавшейся в полемике с философией истории Гегеля, менее артикулировано в современной СЗ, однако ее историческое и систематическое значение для этой дисциплины крайне велико. Современная СЗ «поднимает проблему, первоначально поставленную исторической школой», поскольку речь идет об «исследовании — столь тщательном, насколько возможно, — конкретных взаимосвязей между мышлением и его историческим контекстом» (П. Бергер/Т. Лукман).

Сциентистский, собственно современный, тип СЗ возникает параллельно с оформлением социологии как самостоятельной дисциплины, осуществляющей специализацию и конкретизацию теорий о структуре и динамике общества. При этом в работах «классиков» современной социологии — Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля и др. — содержатся как общие концепции, так и частные исследования, увязывающие социальный или социально-экономический контекст с различными системами знания. Поворотным пунктом в дисциплинарном оформлении СЗ можно считать творчество Макса Шелера, выпустившего в 1926 году собрание своих работ «Формы знания и общество». Подобно Конту, Шелер различает три основные формы знания: религию, метафизику и науку. Однако Шелер, во-первых, не считает последовательное возникновение этих форм прогрессом рациональности (за каждой из них стоят свои «побуждения» иррационалистического характера), во-вторых, полагает, что возникновение новой формы знания не ведет к исчезновению старой. Отвлекаясь от деталей системы СЗ Шелера, обусловленных его метафизическими и антропологическими взглядами, в качестве центрального тезиса его теории можно выделить следующий: между социальным и идеальным существует отношение структурной («сущностной») корреляции. Например, учение Платона соответствует форме организации Академии, социальная структура религиозной секты соответствует содержанию ее религиозной доктрины и т.д. Несмотря на то, что «идеальные факторы» по своему характеру не зависят от «реальных факторов», их появление в истории регулируется именно последними.

Во французской среде подходы, близкие с СЗ, развивались в работах «дисконтинуистов» (Ж. Кангилема, А. Койре, Г. Башляра), — историков науки, в своих исследованиях показывающих, что наука функционирует не как прогрессирующее накопление объективного знания, но всегда социально и культурно контекстуализирована и дискретна. Наиболее известным философом, развившим это направление, является М. Фуко, предложивший не только серию исторических исследований, но оригинальные методологические инструменты для концептуализации сложных социально-культурных комплексов, определяющих контекст формирования и функционирования знания. Из числа французских социологов на СЗ большое влияние оказал П. Бурдьё, предложивший, в частности, концепцию габитуса, в которой мышление и действие выступают как моменты единого социального феномена.

Формирование СЗ в англо-американской среде первоначально происходило под определяющим влиянием континентальных мыслителей — К. Мангейма (основная работа «Идеология и утопия»), П. Сорокина («Социальная и культурная динамика»), а также А. Шюца, разработавшего феноменологический вариант социологии. Продуктивный методологический инструмент в распоряжение СЗ дала концепция «языковых игр» Л. Витгенштейна. В свой поздний период Витгенштейн рассматривал язык, в том числе язык науки, как элемент холистски трактуемых «формы жизни» или «практик», имеющих социальный характер.

В своем нынешнем актуальном состоянии СЗ представлена широким спектром подходов, причем не столько оформленных в качестве особого направления, сколько выступающих как составная часть разнообразных исследований по истории науки, культуры, философии и т.д. Можно сказать, что СЗ становится стандартным элементом научного исследования когнитивных продуктов (в широком смысле слова), без которого их анализ не может претендовать на эпистемологическую полноценность. Это касается не только истории, но и анализа актуального функционирования различных типов знания (научного, экспертного и т.д.). Используемые подходы, однако, различаются по своему категориальному аппарату, по методологии, а также по типам социальной онтологии. Такое разнообразие объясняется многообразием самих социальных теорий, оперирующих различными теоретическими конструкциями, а также привлечением объяснительных средств не только из социологии, но и из экономики, теорий культуры, дискурс-анализа и т.д. Не существует также единой классификации этих подходов, поэтому ограничимся перечислением наиболее влиятельных и методологически оформленных из них.

Феноменологическая СЗ в своей современной форме представлена в стандартной работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности». Авторы оперируют широким понятием «знания», которое включает в себя «все то, что считается «знанием» в обществе», а это, в первую очередь, повседневные и дотеоретические мнения. Понятие «социального конструирования» не только получило благодаря этой работе широкую популярность в социальных науках, но и стало предметом весьма критических оценок (Я. Хакинг).

Институционалистская теория знания Р. Мертона рассматривает науку как сравнительно автономный социальный институт, обладающий собственным набором «институциональных императивов», формирующих «этос» науки (интерсубъективный универсализм; «коммунистический» характер достижений научного познания (результаты научной работы принадлежат обществу, а не индивидам); бескорыстие основанное на публичном характере научных достижений; организованный скептицизм).

Широко распространенный подход связан с исследованием социальных групп интеллектуалов, взаимосвязи вырабатываемого этими группами знания и социально-экономическим положением и социальных функций этих групп. Это направление получило новый импульс в неомарксистской теории интеллигенции А. Грамши. Разновидностью этого подхода можно считать современные биографические (просопографические) подходы, рассматривающие, в частности, содержательные

особенности теоретических концепций в связи с индивидуальной биографией их создателей.

Исследованию структуры социальных связей на широком историко-философском материале посвящена «Социология философий» Р. Коллинза, рассматривающего историю философии как историю успешных социальных сетей («школ»).

Элементы СЗ широко представлены в различных постпозитивистских теориях науки, обратившихся от выработки нормативных критериев научного знания к реальной истории науки, а также в работах, которые предшествовали расцвету этого направления (Л. Флек). В особенности здесь необходимо упомянуть понятие «парадигмы» Т. Куна. Критическим пафосом в отношении привилегированного социального положения современной науки выделяются также работы П. Фейерабенда.

Оживленные дискуссии в англо-американской среде, а также ряд весьма продуктивных исторических исследований оказались связаны с появлением т.н. «сильной программы» СЗ, сформулированной Д. Блуром. Сильная программа рассматривает знание как непосредственно включенное в систему каузальных отношений с социальными факторами. Эта программа противопоставляет себя «слабым» подходам в СЗ, которые защищают «чистый» или «рациональный» характер научного знания, рассматривая его как автономный по отношению к каузальности вообще и социальной каузальности в частности. Блур подчеркивает, что сильная программа не имеет своей целью критику науки: «в социальном конструировании знания содержится не больше критики, чем в изучении физиологии глаза содержится критики зрения». В русле «сильной программы» СЗ выполнен целый ряд исследований, в частности, работы по социологии философского знания М. Куша.

В качестве самостоятельного направления современной СЗ можно выделить также ряд исследовательских проектов, получивших название «антропологии науки», «исследований лабораторной жизни», «исследований науки и техники» и т.д. Изначально ориентированные на эмпирическое исследование деятельности научных коллективов и лабораторий, эти подходы представлены в работах С. Вулгара, М. Каллона, К. Кнорр-Цетины, Б. Латура и др. В своих последующих работах указанные авторы переносят акцент с социально-каузального контекста существования и распространения знания на изучение того, как «знания конструируют социальные отношения» (Кнорр-Цетина); подчеркивают социальную значимость окружающих нас «гибридных» артефактов, состоящих из материальных и нематериальных элементов. Концепции «объект-центричной среды» и «постсоциальных отношений», а также исключительно большое значение, которое придается здесь конструкциям и отношениям, порождаемым в различных сферах знания (не только в лаборатории, но и, например, на рынке), переопределяют проблематику СЗ, переводя ее в план дискуссии с социологией и теми моделями общества, которыми оперирует современная социальная теория.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.

Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5/6 (35). С. 162-185

Гилберт Дж. Н., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. Социологический анализ высказываний ученых. М.: Прогресс, 1987.

Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

Куш М. Социология философского знания: конкретное исследование и защита // Логос. 2002. № 5/6 (35). С. 104-134

Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5/6 (35). С. 211-242

Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2006.

Манхейм К. Диагноз нашего времени. Сб. М.: Юрист, 1994.

Социология вещей. Сб. под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006.

Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX в. М.: Новое издательство, 2005.

Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004.

Barnes B. T. S. Kuhn and Social Science. London, 1982

Ben-David J. The Scientist's Role in Society: A Comparative Study. Prentice-Hall Inc., 1971.

Berger W., Heintel P. Die Organisation der Philosophie. Suhrkamp, 1998.

Bloor D. Knowledge and Social Imagery. London, 1976.

Knorr Cetina K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Harvard University Press, 1999.

Kusch M. Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge. Routledge, 1995.

Maquet J. The Sociology of Knowledge: Its Structure and its Relation to the Philosophy of Knowledge. A Critical Analysis of the Systems of Karl Mannheim and Pitirim A. Sorokin. Greenwood Press, 1951.

Hekman S. Hermeneutics and the Sociology of Knowledge. Oxford, 1986.

Knoblauch H. Wissenssoziologie. Konstanz, 2005.

Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Social Construction of Scientific Facts. Beverly Hills, 1981.

Merton R. K. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. University of Chicago Press, 1979.

Ringer F. K. The Decline of the German Mandarins. Cambridge, 1969.

Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump. Princeton University Press, 1985

Schelsky H. Die Arbeit tun die Anderen: Klassenkampf und Priesterherrschaft der Intellektuellen. Opladen, 1975.